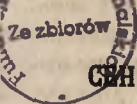

Сенновский и Музкетеръ.

(Русскій Арабъ 1873, Книга I)

СЕНКОВСКИЙ И МИЦКЕВИЧЪ.

ЗАМѢТКА.

Воспоминанія Ципринуса, напечатанныя въ Р. Архивѣ, имѣють то общее съ калейдоскопомъ, что интересныя событія и лица перебрасываются въ нихъ легко и пестро; но въ получаемыхъ изображеніяхъ, къ сожалѣнію, не всегда замѣтны главныя свойства калейдоскопической трубы—вѣрность и симметрическая отчетливость. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ исправить нѣкоторые факты, сообщаемые авторомъ Калейдоскопа о моемъ профессорѣ О. И. Сенковскомъ. Не полагаясь на память, я буду вездѣ ссылаться на официальные документы, опубликованные въ трудахъ

професс. В. В. Григорьева ¹⁾ и А. С. Воронова ²⁾. Считаю не лишнимъ заявить, что я не принадлежу къ завзятымъ почитателямъ Сенковскаго и далеко не раздѣляю восторженныхъ похвалъ, которыя разсыпаны щедро рукою въ книгѣ г. Григорьева, его признательнаго ученика. Не спорю, можетъ быть во время студенства гг. Григорьева и Савельева, Сенковскій и былъ образцовымъ преподавателемъ, но въ томъ періодѣ (съ 1835 до 1847) когда я знавалъ его, характеристика г. Григорьева („и между товарищами-профессорами стоялъ Сенковскій совершенно особнякомъ: на нихъ смотрѣлъ онъ съ высоты своего величія; они боялись его и не любили“) обусловливала, какъ нельзя вѣрнѣе, и отношенія между гордымъ профессоромъ и его слушателями. Могли ли студенты любить того, кто ихъ не любилъ, кто не входилъ въ ихъ учебныя нужды, не былъ ихъ представителемъ и защитникомъ? Всегда недоступный, онъ и на лекціяхъ весьма неохотно, съ гримасою, отвѣчалъ на вопросы своихъ слушателей. Можетъ быть и разстроенное здравье, послѣ 12 лѣт. профессорства (а вѣрнѣе отъ усиленныхъ трудовъ по редакціи Биб. д. Чтенія) не дозволяло Сенковскому, по прежнему, приводить своихъ слушателей въ восторгъ; но въ мое время какъ ему самому, такъ и студентамъ были его лекціи въ тягость: онъ часто манкировалъ или, при-

шедъ на лекцію, черезъ 5, 10 минутъ, корча гримасы и проговаривая сквозь зубы слово мигрень, уѣзжалъ домой; а студенты, завидя его, часто скрывались на лекціи другихъ преподавателей. Тѣ же самые студенты никогда не пропускали лекцій прочихъ восточныхъ профессоровъ: Мухлинскаго, Топчибашева и другихъ.

Понятно, что этотъ человекъ, нелюбимый товарищами и учениками, не могъ возбуждать къ себѣ сочувствія и въ Полякахъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по словамъ Ципринуса (Р. Арх. 1872, стр. 1894) „ѣдко надсмѣхался надъ образомъ правленія бывшей Р. Посполитой, надъ Польскою арміею и ея вождями“. Но все это не даетъ права ни намъ Русскимъ, ни его земляку, автору „Калейдоскопа“, искажать факты, касающіеся служебной дѣятельности профессора.

Основываясь на своихъ сбивчивыхъ воспоминаніяхъ, Ципринусъ говоритъ, на стр. 1894, что Сенковскій *еще до возвращенія* изъ своего вояжа на Востокъ издалъ на Польскомъ языкѣ Сборникъ (Collectanea z dziejopisow Turckich rzeczy do hystoryi Polskiej sluzacych), тогда какъ Сенковскій, отправившійся въ 1819 г., возвратился въ 1822 г. (опредѣлился въ университетъ 29 Іюля 1822 г.) и издалъ этотъ Сборникъ только въ 1824-1825 въ Варшавѣ ³⁾. Извѣстіе Ципринуса о томъ, что у Сенковскаго на курсѣ не было *ни одного слушателя*, можетъ быть, весьма забавно; но опять таки оно противорѣчитъ факту окончанія курса 4 студентами Восточнаго Отдѣленія въ 1823 году ⁴⁾ Мы видимъ изъ исторіи университета, что Сенковскій замѣнилъ про-

¹⁾ Исторія С. П. Универс. въ теченіи первыхъ 50 лѣтъ его существованія. Историческая записка состава. по порученію Совѣта Университета орд. проф. В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870.

²⁾ Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. П. учебнаго округа съ 1829 по 1853 г., составленное по порученію попечителя С. П. учебнаго округа А. Вороновымъ. Спб. 1854.

³⁾ В. Григорьева, стр. 41 и 65.

⁴⁾ Ibid. Приложение LXVIII.

фессоровъ Шармуа и Деманжа и преподавалъ не только Арабскій, но и Турецкій языки въ послѣднемъ курсѣ; а потому студенты выпуска 1823 года едва ли могли обойтись безъ его лекцій.

Въ примѣчаніяхъ къ Калейдоскопу (на стр. 1934) находимъ мы описаніе какого-то курьознаго акта 50-ыхъ годовъ, при чемъ у г. Ципринуса одна ошибка слѣдуетъ за другой. Во первыхъ, торжественные акты совершались въ 50-хъ годахъ, какъ и теперь, не передъ каникулами (въ Іюнь), а въ Февралѣ мѣсяцѣ, и Сенковскій, оставившій университетъ въ 1847 году ⁵⁾ не обязанъ былъ писать прощальныхъ „диссертаций“ для акта 50-хъ годовъ и не могъ получить „эмеритальной“ пенсіи, прослуживъ только 25, а не 30 лѣтъ, какъ увѣряетъ Ципринусъ. Во вторыхъ, если скандальная диссертация „о древности имени Русскаго“ была и читана, въ чемъ, по неправдоподобному описанію всей обстановки, позволено усомниться ⁶⁾ — и читана г. Диттелемъ (такъ какъ другаго Нѣмца адъюнктъ-профессора около этого времени на Восточномъ Отдѣленіи не было) то она была читана не иначе какъ въ 1847 или 1848 годахъ, ибо Диттель умеръ въ этомъ послѣднемъ году ⁷⁾. Но съ этимъ предположеніемъ опять не вяжется присутствіе на злополучномъ актѣ *министра Народ. Просвѣщенія князя Ширинскаго-Шахматова*, такъ какъ послѣдній сдѣлался министромъ только въ Октябрѣ 1849 года ⁸⁾. Всѣ эти не-

точности „Калейдоскопа“ даютъ поводъ предполагать, что въ воспоминаніяхъ Ципринуса перемѣшаны событія, которымъ онъ былъ самъ свидѣтелемъ, съ легендарными сказаніями другихъ.

Можно ли послѣ всего этого отнестись съ довѣрчивостію къ тому, что г. Ципринусъ повѣствуетъ намъ о своемъ любимцѣ А. Мицкевичѣ, изъ рѣчей котораго онъ сообщаетъ даже цѣлыя тирады съ вносными знаками? Увлекаться геніальностію своего національнаго поэта весьма естественно, но для возвеличенія Мицкевича не было надобности унижать нашего Пушкина. Въ этомъ возвеличеніи Ципринусъ однакожь тоже увлекся за предѣлы благоразумія; ибо, желая почему-то доказать любовь Мицкевича къ Русскимъ, онъ, подобно г. Бергу (Р. Архивъ, стр. 432) оказалъ своему идолу плохую услугу, надѣливъ его свойствомъ *двуличности*. Боязнь не угодить своимъ землякамъ, женившись на Русской („чтобы сказали мои земляки, еслибы я женился на Русской боярышнѣ, дочери сенатора, родственницѣ великаго Кутузова и одного изъ министровъ?“ Р. А. стр. 1901) и трусость представить передъ ними судьбы Русскаго народа въ истинномъ свѣтѣ исторіи (на лекціяхъ въ Парижѣ, описанныхъ въ Русскомъ же Архивѣ Чумиковымъ) — все это черты, служащія скорѣе къ униженію, чѣмъ къ возвеличенію нравственнаго характера Мицкевича. Не таковы были Байронъ и другіе великіе поэты: отличительною чертою ихъ характеровъ были самостоятельность убѣжденій и дѣйствій, и они не только не льстили грубымъ предрассудкамъ своей націи, но всю жизнь боролись съ ними. Замѣтимъ, что слава и величіе Польскаго поэта ни

⁵⁾ Ibid., стр. 250.

⁶⁾ Въ сочиненіяхъ гг. Григорьева и Воронова, гдѣ приведены всѣ ученые труды гг. профессоровъ, нѣтъ и слѣда этой диссертации.

⁷⁾ Ibid., стр. 262.

⁸⁾ Ibid., стр. 294.

чуть бы не умалились отъ его несочувствія къ Русскому народу. Я убѣжденъ, что ни г. Чумикову⁹⁾, ни кому другому изъ здравомыслящихъ Русскихъ никогда не пришла мысль „*требовать*“ (Р. Арх. стр. 1922) отъ Мицкевича „заявленной симпатіи къ Россіи и Русскимъ“. Всякій пойметъ, что трудно было сохранить пріятныя воспоминанія о странѣ и народѣ, среди котораго Мицкевичъ жилъ не по своей доброй волѣ, а подъ надзоромъ полиціи. Но отъ несочувствія къ Русскому правительству до искаженія исторіи народа и глумленія надъ нимъ—шагъ огромный и не дѣлающій чести ни поэту, ни профессору; а именно это обстоятельство, сколько я понялъ изъ статьи г. Чумикова о лекціяхъ Мицкевича, и послужило Русскимъ слушателямъ поводомъ къ протесту.

Мнѣ кажется, со стороны доказывающихъ руссофильство Мицкевича, grand tѣме, было бы гораздо логичнѣе не дробить индивидуальность поэта на двѣ различныя личности, а отнести его общественную дѣятельность къ двумъ разнымъ періодамъ жизни. Мицкевичемъ перваго періода, какъ Поляки, такъ и Русскіе, будутъ всегда восхищаться; дѣятельность же его во второмъ періодѣ, его тованізмъ, мессіаниззмъ и пагубное желаніе играть роль политическаго агитатора, мы сообщая будемъ оплакивать, какъ признакъ паденія гениальнаго человѣка...

Допустивъ г. Ципринуса съ его Калейдоскопомъ въ Русскій Архивъ, мы желали засвидѣтельствовать готовность

⁹⁾ Г. Чумиковъ имѣлъ дерзость усумниться лишь въ *постоянствѣ* сочувствія Мицкевича къ Русскимъ.

нашу содѣйствовать талантливому писателю-Поляку въ обнародованіи его историческихъ воспоминаній. Было время, когда Поляки жаловались на свою отчужденность отъ Русскихъ, на то, что Русская цензура не даетъ имъ вполнѣ высказываться. Намъ хотѣлось доказать, что подобныя жалобы и упреки болѣе не имѣютъ мѣста. Кажется, какой еще свободы мнѣнія? Въ какомъ видѣ изобразилъ г. Ципринусъ графа Н. Н. Новосильцова? Какъ описалъ онъ другую знаменитость нашу, поэта Пушкина? И гдѣ же? — въ Рускомъ Архивѣ. Мы не сочли нужнымъ даже и опровергать его разсказовъ о Пушкинѣ; ибо каждый Русскій читатель хорошо понимаетъ, что при всей учености Мицкевича, въ большинствѣ произведеній своихъ онъ относится къ Пушкину, какъ горячечный бредъ къ трезвой дѣятельности. П. Б.

ВЫКУПЪ ИЗЪ КРѢПОСТНАГО СОСТОЯНІЯ СТИХОТВОРЦА ИВАНА СИБИРЯКОВА.

Иванъ Сибиряковъ, нынѣ крѣпостной человѣкъ Рязанской губерніи дворянскаго предводителя Дмитрія Николаевича М., можетъ по справедливости назваться *природнымъ стихотворцемъ*. Музы посѣтили его еще въ ранней юности, и взысканный ими пребылъ вѣренъ имъ во всѣхъ превратностяхъ жизни своей. Въ народныхъ Московскихъ школахъ (гдѣ обучался грамотѣ), въ людскихъ избахъ (гдѣ терялся въ толпѣ дворовыхъ барскихъ людей) и въ кондитерской лавкѣ (куда отданъ былъ для обученія) Сибиряковъ считалъ первымъ сокровищемъ книги, лучшимъ наслажденіемъ—поэзію. Поэзія раскрыла необыкновенное благородство чувствъ въ душѣ униженнаго судьбою человѣка. Ни труды походные, ни шумъ войны не препятствовали мирной бесѣдѣ Сибирякова съ его уединенною Музою.

